

В. С о й е р

В. Соер

Б Е Л Ы Й
К Р О Л И К
Б Е Л Ы Й
К Р О Л И К

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вова Сойер

Белый кролик

<https://litres.ru/74243669>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир обычной студентки начинает рушиться: мало того, что с каждым новым мгновением она всё больше теряет опоры своей старой, привычной жизни; так ещё и мистический, загадочный голос начинает уводить её всё дальше от реальности, которая и без того начинает рушиться, подобно карточному домику. Где она, ведомая таинственным спутником, вынуждена проходить через лабиринты собственных кошмаров ради высшей цели.

Цели, которая далеко не сразу становится ей ясна.

Написано обыкновенным живым человеком, без применения ИИ и прочих нейросетей. Даже для рисования обложки.

Содержание

1.	4
2.	17
3.	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Вова Сойер

Белый кролик

1.

Холодно.

Холодный ночной ветер обдувал мокрое лицо, заставляя каждую клетку отёкшей кожи под слоями смытой слезами косметики, желать лишь только скорее оказаться там, где ветра нет.

Стереть слёзы и сопли.

Которые были размазаны по лицу. Где-то вместе с тем, что когда-то было макияжем.

Получалось только сильнее размазывать.

Скорее домой.

Скорее принять горячий душ.

Укутаться в плед.

Уснуть.

Хотя, сделать последнее вряд ли получится. Понимала это, хотя мысль и не вызывала сейчас, казалось бы, никаких эмоций. Понимала той единственной извилиной, которая не орала сиреной на всю черепную коробку сигнал тревоги. Паники. Той единственной извилиной, на которой не было сейчас высечено, словно опасной бритвой, имя «Толик».

Я осталась одна.

Как он мог так поступить со мной?

Как он мог вот так взять и вычеркнуть из нашей жизни все те два года и пять месяцев, что мы провели вместе?

Всё ведь было так хорошо...

Не понимала этого.

Понимала, что иду. Ноги шевелились сами собой, шаркая старыми кроссовками по зернистому асфальту тротуара. Добавляя ещё один слой шума в окружающую действительность, который, тем не менее, по-прежнему не мог заглушить мысли.

Заглушить мысли.

Нужно было как-то это сделать.

Не понимала, как это сделать.

Не понимала, куда я иду.

Наверное, мне было всё равно. Наверное, к такому выводу пришла бы, если бы могла думать о чём угодно, кроме Толика. Заполнить голову чем угодно кроме постоянного прокручивания в голове диалога, после которого он оставил меня одну стоять на автобусной остановке в квартале от своего дома.

Чем угодно, кроме попыток придумать какие-то другие ответы, реплики, действия, которыми я могла бы сделать так, чтобы последний разговор не закончился тем, чем закончился.

Не стал последним.

Можно было включить музыку.

Я нашла в сумочке сперва наушники, которые, достав из кейса, пару раз едва не уронила на асфальт. Только потом — телефон.

Поняла, что скорее хочу сейчас позвонить Толику.

Поделиться с ним своими мыслями. Ведь пока продолжала идти, сама не понимая, куда и как долго, успела придумать столько всего, что хочу ему сказать.

Для начала стоило хоть как-то успокоиться.

Может быть, зайти в какое-нибудь кафе, которое ещё работало, чтобы, если не поправить макияж, то хотя бы умыться.

Привести мысли в порядок.

Музыка должна была помочь.

Помогла бы, если бы телефон, который я вертела в руке уже какое-то, наверное, продолжительное время, не оповестил меня морганием белой картинки на чёрном экране почти без подсветки о том, что вообще-то он разряжен.

Преодолев желание разбить предательский гаджет о бордюр, убрала его обратно в сумочку.

Следом направился кейс с наушниками, которые всё же упали на асфальт, пока выковыривала их из ушей.

Левый пришлось искать чуть дольше, чем правый, который остановился в своём перекатывании на ярко-жёлтой букве какой-то надписи на асфальте. Не хотела читать. Наверняка, там было написано что-то до одури романтическое,

что навернуло бы на мои глаза новую волну солёной жижи.
Только сейчас поняла, что я в его куртке.

Как только эта мысль вспышкой поразила сознание, сразу захотелось сорвать с себя этот, будь он трижды проклят, выкидыш от моды девяностых годов прошлого века тёмно-синего цвета; но вместе с этим — резко накрыло ощущение тепла и уюта, настолько притягательное, что попытка растегнуть «молнию», да так резко, чтобы собачка сорвалась с замка, привела к тому, что я застегнула её по самое горло, едва не защемиив кожу на шее.

От этого ощущения слёзы снова подступили к глазам.

Уже не пыталась как-то остановить порыв вновь заплакать.

Странно.

Поймала себя на лёгком, мимолётном удивлении тому, что во мне ещё остались какие-то слёзы.

Казалось, все жидкости из меня выплаканы уже настолько, что язык вот-вот начнёт царапать нёбо.

Если уже не начал.

Вызвало какую-то кривую усмешку, громким эхо отдавшуюся внутри черепной коробки. Достаточно громким, чтобы не затеряться где-то в хаосе прочих мыслей.

Убрала руки в карманы.

В карманах на удивление не оказалось ничего, кроме выкидного ножа.

Странно, ведь Толик всегда таскал свои вещи в карманах,

избегая рюкзаков и сумок как только мог. Всеми правдами и неправдами. Настолько, что рюкзак носить приходилось всегда мне.

Достала нож из кармана. Автоматический с белыми пластиковыми накладками, имитирующими кость — тот самый, что две недели назад подарила ему на день рождения. Вертела на удивление увесистый сувенир из пластика и стали в руке, вспоминая, как дарила. Как заставляла найти хоть какую-то монетку, отдать мне взамен; ведь дарить ножи — плохая примета.

Но он так хотел именно этот нож.

Так и не нашёл монетку.

Быть может, поэтому мы и расстались?

Кажется, я снова плачу.

Или смеюсь. Понять уже было довольно сложно.

Нажала кнопку.

Ничего не произошло. Вспомнила о предохранителе, о котором рассказывал продавец в магазине, убеждая меня параллельно купить какой-нибудь другой нож; ведь эта модель — устаревшая и непрактичная. И вообще он смотрел на меня тогда как-то снисходительно, улыбаясь под густой неухоженной рыжей бородой моему упорству.

Отщёлкнула предохранитель и нажала кнопку снова. С характерным треском резко разжатой пружины, клинок резко выскочил из рукоятки. Отдача в ладонь была столь резкой и неожиданной, что я едва не уронила нож на асфальт пеше-

ходной дорожки посреди сквера.

Я в сквере.

Чёрт возьми, как я сюда пришла? Это ведь — почти центр города.

Как долго уже иду?

Стоило об этом только подумать, как ноги начали подкашиваться.

Трястись.

Довольно быстро нашла взглядом лавочку, на которую можно было бы присесть, чтобы хотя бы чуть-чуть дать отдохнуть телу, которое, казалось, одновременно нуждалось и не нуждалось в отдыхе. Боль в мышцах, хотя и натренированных утренними пробежками, на которые полгода назад Толику всё-таки удалось меня подначить, но явно не готовых к марш-броскам вроде того, который я сейчас исполнила, с лихвой компенсировалась ощущением неестественной лёгкости тела, свойственной адреналиновому ражу.

Стоило сделать шаг в направлении скамейки, как за моей спиной раздался протяжный, громкий скрип, настолько внезапный, что я едва не упала и, кажется, вскрикнула.

Подпрыгнула на месте — это точно.

За моей спиной резко остановился велосипедист, которого непредсказуемым манёвром едва не подрезала.

Очень хотелось крикнуть ему вслед что-то вроде «Пиздуй со своим велосипедом на проезжую часть, уёбок»; но, к сожалению или к счастью, слова так и застряли в моей глотке.

Смогла окончательно убрать их оттуда лишь с тяжёлым, дрожащим выдохом, скорее напоминавшим кашель, после того, как села на скамейку.

Она оказалась холоднее, чем я думала.

Стоило вернуться домой.

Горячий душ и плед.

Плюшевая акула.

И, наверное, какао.

От воротника куртки пахло табаком. Так сильно, что запах полностью перекрывал собой тот лёгкий шлейф персиковых духов, которые так нравились Толику.

В какой-то момент понравились и мне.

Никогда не любила персики.

И сигареты.

Как ни пыталась ещё, будучи старшеклассницей, убедить его бросить курить, ничего из моих попыток не вышло. Что бы я ни говорила ему, как бы ни отбирала и не выбрасывала сигареты — его это лишь забавляло. И вызывало всегда один и тот же ответ:

«Залетишь — тогда и поговорим».

Я сдалась примерно тогда же, когда привыкла получать нагоняи от мамы, за то, что сама возвращаюсь домой с одеждой и волосами, насквозь пропахшими «лёгким» Кэмелом.

Очень сильно захотелось закурить.

Как на зло, пачки сигарет в кармане этой куртки с момента последней проверки карманов так и не появилось.

Даже в этой, казалось бы, мелочи, но чертовски важной прямо сейчас, он меня подвёл. Даже после того, как бросил.

Только сейчас поняла, что нож всё ещё у меня в руке.

Хорошо, наверное, что в сквере сейчас никого нет. Наверное, с тем, как я сейчас выглядела, да ещё и с ножом в руке, вид был...

Неоднозначный.

Края губ сами собой искривились то ли в лёгкой усмешке, то ли в гримасе, её пародирующей.

Что, наверное, ещё сильнее добавило моему облику жути.

Я сложила клинок обратно в рукоятку с накладками из белого пластика. Защёлкнула предохранитель. Сложила нож обратно в карман куртки Толика.

Чёрта с два я теперь верну ему эту куртку.

Пошёл он...

Думать о том, как я попаду домой, учитывая то, что автобусы и трамваи уже не ходят, а вызвать такси не могу, не получалось. Получалось думать только о том, как сильно хочу курить.

И, может быть, вскрыть горло Толика от уха до уха этим самым ножом.

От этих мыслей рука сама потянулась снова достать нож из кармана.

Ещё покрутить его в руке, любуясь тем, как на полированной стали переливается свет редких уличных фонарей.

Желание это прошло также быстро, как и появилось, сто-

ило лишь вспомнить об ожидающих меня дома пледе, какао и большой плюшевой акуле.

Которой сегодня предстоит купаться в океане моих слёз.
Встала со скамейки.

Я не заметила, как оказалась уже на соседней улице, где разношёрстными, аляповатыми шеренгами выстроились по обе стороны двухполосной дороги бары и прочие ночные клубы. Ни даже намёка на какое-нибудь тихое и спокойное кафе, где можно было бы выпить какао, пока заряжается телефон. Возле ближайшего ко мне стояли люди, по одиночке либо небольшими стайками, что-то живо обсуждали, перекивая басы из помещения за прикрытой дверью под неоновым логотипом «Счастливая Семёрка».

— Закурить не будет? — подошла к ближайшему из курящих, из тех, кто не был увлечён участием в той или иной разыгрываемой перед входом в заведение, сцене.

В ответ он протянул мне молча открытую пачку.

Вытянула сигарету далеко не с первой попытки. Пальцы предательски сплетались между собой, не позволяя зацепить краешек фильтра.

— И зажигалку, пожалуйста.

Не успела договорить, как огонёк оказался прямо перед моим лицом. Близко. Ещё чуть-чуть ближе, и он спалил бы чёлку — единственное, что закрывало собой месиво из соплей и комочков, что были когда-то тенями и аккуратными стрелками.

Сперва отскочила, едва ли, не на целый шаг назад. Резкое появление так близко к лицу огня, который я не могла контролировать, заставило моё сердце прыгнуть куда-то в пятки через шею.

Всегда боялась огня.

Когда мысли пришли в какое-то подобие порядка и паника отступила, освободив вообще все мышцы моего тела от зажима, приблизилась к пламени зажигалки достаточно, чтобы прикурить сигарету.

Дым был тяжёлым.

Хотя, не тяжелее воздуха вокруг.

И всё же, он на удивление приятно обволакивал пересохшие язык и щёки.

Попыталась, наверное, укоризненно посмотреть на мужчину, который только что прикурил мне сигарету. От его ответного взгляда по моей спине, волной от шеи до поясницы, прошёл холод, оставивший за собой рябь из мурашек. Каждую из которых я сейчас почувствовала. Хотелось отвести глаза в сторону. Хотелось, чтобы он перестал на меня смотреть. Ушёл куда-нибудь. Или потянуться за ножом.

Или, всё это — разом.

Не получалось ничего.

Получалось только держать эту связь, которая одновременно пугала и притягивала к себе желтоватым блеском его зрачков.

Попыталась перевести взгляд ниже. На его руку, в которой

он всё ещё держал зажигалку. Но, казалось, что даже тыльной стороной своей ладони, он продолжал смотреть на меня.

Смотреть прямо в душу.

Чёрт возьми, как?

— А ты интересная, — он начал разговор.

— Что?

— Интересная ты, говорю.

— Это самый стрёмный подкат из...

— Кто сказал, что я к тебе подкатываю?

Очень хотелось съязвить в ответ. Голова даже выдавила из себя какую-то, очень нелестную, формулировку.

Но получилось также, как немногим ранее, с велосипедистом.

— Береги себя.

— Ты...

Он избавил меня от необходимости дальше выдавливать из себя слова. Отвернувшись, выбросил окурочек и ушёл куда-то, прочь от меня.

Так и не смогла понять, куда.

Перестала смотреть на мир вокруг.

Взгляд зафиксировался на ярко-рыжем угольке, с каждым вдохом приближавшемся к моим губам.

Всё остальное, что так или иначе могло попасть сейчас в поле зрения, перестало для меня существовать. Весь этот хаос человеческих тел, голосов и басов из помещения, от которых подрагивали панорамные стёкла... Его было слыш-

ком много вокруг. Хотя какое-то спокойствие случилось, когда смогла сосредоточиться только на угольке, что с каждым вдохом оказывался всё ближе к фильтру длинной белой сигареты.

Подумала о том, что в клубе, название которого вызывало ассоциацию, скорее, с каким-то старомодным казино, наверняка найдётся зарядник для телефона. Плохая альтернатива какому-нибудь тихому, уютному кафе, где можно было бы просто заказать кружку какао и выпить, слушая тихую, расслабляющую музыку. С другой стороны, время было уже позднее. Вряд ли какое-нибудь подобное заведение сейчас ещё открыто, а проверить сейчас можно было бы только собственными ногами и глазами.

Которые очень сильно устали.

Стало быть — найти свободную розетку в «Счастливой Семёрке» и вызвать такси домой.

Домой.

А так ли сильно я хочу туда?

Как бы ни была сильна нужда в пледе и какао, там сейчас было пусто. Слишком. Как на зло, родители вместе с младшей сестрой решили продлить себе лето и улетели пару дней назад на море, оставив все три комнаты в моём полном распоряжении.

Одна только мысль об этой пустоте пугала.

Даже могла позвонить Толику.

Часами трепаться с ним перед тем, как его голос нако-

нец не убаюкает меня достаточно, чтобы, обнимая огромную плюшевую акулу.

Чтобы я уснула.

Как младенец.

Младенец, который вот-вот докурит сигарету и отправится в сомнительный ночной клуб.

И наверняка выпьет там коктейль или два, пока телефон не зарядится достаточно.

Чем меньше сигареты оставалось перед лицом, тем приятнее на вкус становился табачный дым. Тем сильнее становилась моя решимость зайти в клуб. И тем сильнее становилось желание выпить и развеяться, нежели просто дежурно пропустить бокальчик в ожидании каких-то двузначных процентов заряда предательской батарейки смартфона.

Затушив в пепельнице на урне окурков, не сбавляя уверенного шага всё ещё слегка дрожащих ног, направила себя к входу в «Счастливую Семёрку».

Мимолётная тревога, вызванная мыслью о том, что нож у меня может запросто отобрать охрана на входе, улетучилась, как только отметила отсутствие охраны на входе.

Только танцпол и барная стойка где-то позади хаотично пляшущих тел.

Оставила куртку в гардеробе и, прижав сумочку плотнее, также уверенно, как немногим ранее ко входу, направилась сквозь массу уже пьяных отдыхающих к бару.

2.

Телефон на зарядку я так и не поставила.

Пришла к этой мысли уже после первого бокала, когда, вернув себе какой-то налёт на собранность под действием водки с клюквенным соком, отошла в туалет.

Мигающая тусклая лампа в помещении на три кабинки, два умывальника и одно большое зеркало, ловко скрывала экономию администрации заведения на услугах уборщицы. Но не достаточно ловко, чтобы изрисованность стен маркерами и измазанность их одному Богу известно чем, осталась совсем незаметной.

Даже не пыталась вникать в надписи и прочие рисунки на стенах, оставляя их лишь только каким-то белым шумом окружающей, фоновой действительности. По-прежнему, чем меньше было вещей, на которые я обращала внимание, тем было легче.

Сейчас стоило обратить внимание на собственное, так называемое, лицо.

Чутьочку менее ловко мигающая тусклая лампа скрывала беспорядок на лице. Который, по-хорошему, должно было ликвидировать.

Может быть, зря отшла того типа, что поделился со мной у входа сигаретой. Хотя всё в его внешности, начиная от неестественно ярких глаз и заканчивая буквально всем его

видом, вызывало во мне то ли страх, то ли отвращение; чем дольше я находилась в сотрясаемых басами стенах клуба, тем меньше хотелось эти стены покидать одной.

К счастью, жуткий тип был не единственным здесь, кто мог бы составить мне компанию на остаток вечера.

Который только начинался.

Надо перестать себя жалеть, и пойти тусить.

А если тусить — то с подобающим лицом.

Не с тем, что было сейчас натянуто поверх моего черепа и скрыто на треть за растрёпанной чёлкой.

Разложила перед собой на ободок раковины умывальника под зеркалом инструментарий, подобно подпольному хирургу перед не менее подпольной операцией. Смыть с себя макияж и краситься заново при таком свете оказалось далеко не самой простой задачей. Усугублялась ситуация ещё и тем, что, пока я шла, рыдая, по городу в неизвестном мне самом направлении, смяла одну из линз, которая сейчас чертовски неприятно давила на веко изнутри.

Заметила это только сейчас.

Странно, что не раньше.

Как давно она слетела со зрачка?

Может, по этой причине вид того типа, который поделился со мной куревом, нагнал на меня жути, на самом-то деле?

Отточенными до автоматизма за последние месяцы, когда, убеждённая наконец Толиком в том, что очки мне не идут, перешла на другой вид оптики, движениями пальцев

избавила себя от контактных линз.

Внимательно рассмотрела себя со всех сторон.

Предзаключительным штрихом наредила губы яркой помадой.

Чёрт возьми, когда я делала это в последний раз?

Казалось, уже забыла, как это делается. Хотя зачем-то и продолжала носить помаду в косметичке.

Заключительным штрихом — достала из сумочки футляр с очками, мысленно не переставая себя нахваливать за то, что продолжала носить вещи, которыми либо пользовалась редко в последнее время, либо не пользовалась вовсе.

Большие стёкла в тонкой металлической оправе, как будто бы, идеально замаскировали не слишком аккуратный мейк.

Покрутила в разные стороны головой, не отводя взгляд от отражения в мигающем свете. Он создавал искажения, которые одновременно пугали и завораживали. Однако, в конце концов, долго заикливаться на шоу местного освещения не стала. Кивнула себе, убедившись в том, что раскрас и выражение лица стали достаточно боевыми.

Толик, чёрт возьми, был не прав.

Очки мне очень идут.

Поправила чёлку, которой больше не нужно было прятать за собой постбрейкапный кошмар.

Сама не заметила, как вынула из сумочки, в хаос которой уже был аккуратно упакован мой косметический инструментарий, пачку контактных линз.

Только для того, чтобы выбросить их.

Серая продолговатая коробка улетела в урну до того, как я успела обдумать импульс и решить для себя, насколько он хорош и правилен.

Вернулась в зал, когда там уже доигрывала, кажется, очередная за вечер песня группы Оффспринг.

Вернулась на чудом не занятый никем табурет возле массивной дубовой столешницы барной стойки, где, символом моего присутствия, стоял потный, пустой бокал из-под коктейля. Который, не изучая меню, попросила ранее бармена налить мне «на свой вкус».

Его вкус оказался очень похожим на вкус «Космополитена».

Когда на кромке второго по счёту бокала остался узор из отпечатков помады, подумала, что хочу, наверное, танцевать. Боль и лёгкость в ногах слились в одно ощущение, которое не было полностью понятным. Понятным оставалось лишь то, что чего-то мне сейчас очень сильно не хватает.

Танцев.

Это точно.

Завтра утром об этом пожалею.

Прежде, чем ринуться, очертя голову, на танцпол, вспомнила о сумочке. О том, что, вообще-то, я в равной степени не хочу оставлять её здесь и танцевать вместе с ней.

— Если поднимешься танцевать на бар, текила за счёт заведения.

Голос бармена, тихий, но каким-то странным образом чётко различимый на фоне окружающего шума, стал ответом на мои внутренние терзания. Он словно прочитал мысли, которые заставляли меня разрываться между баром и танцполом, сливая их в одно.

Это был не тот ответ, который я хотела услышать, но тот ответ, который был мне нужен.

Он лишил меня мук одного выбора и поставил перед другим.

Насколько сильно я хочу отпустить контроль сегодня?

Так и не ответила себе на этот вопрос. Поднялась на столешницу, оставляя сумочку на табурете, на котором только что нерешительно ёрзала.

Вместо ответа голову посетила мысль о том, что если буду танцевать на столешнице, нужно снять обувь. Кроссовки, ещё более уставшие и потрёпанные, чем моё лицо один коктейль назад, были не тем, чем хотелось блистать перед лицами отдыхающих у барной стойки людей.

Ловко избавила себя от обуви, оставив её где-то под табуретом.

Как только пальцы второй моей ноги вжалась в дубовую поверхность, тяжёлая, тягучая и заунывная мелодия сменилась песней, которую знала от первой до последней ноты. Если у меня и оставались какие-то тени сомнения в том, нужно ли мне танцевать пьяной на барной стойке, сейчас они полностью исчезли в переливающимся всеми цветами раду-

ги свете прожекторов. Песню, под которую я появилась на импровизированной сцене, словно, включил сам бармен, задавая самый правильный музыкальный мотив. Не только для тех, кому суждено было сейчас увидеть пьяное шоу в моём исполнении, но и для меня лично.

Это была та самая песня Деф Лэппард, под которую раньше очень много танцевала не самые невинные танцы, но только для одного зрителя.

От широкой улыбки начало сводить щёки.

Бармен выполнил своё обещание.

Бармен не жалел текилы.

Очень скоро он начал лить её прямо из бутылки каждый раз, когда я к нему наклонялась — а наклонялась я к нему всё чаще и чаще.

С каждым новым таким наклоном тревога и фрустрация пропадали, и их место в голове, ставшей уже такой же лёгкой, как и ноги, занимала эйфория. Бармен, казалось, читал даже не мои мысли — читал моё состояние. И делал всё от него зависящее, чтобы это состояние стало ровнее.

Лучше?

Более подходящим ситуации?

Не таким невыносимо-отвратительным, по крайней мере.

В какой-то момент мне стало не важно, что там творится с сумочкой, что осталась сторожить своё место возле стойки. Да и с кроссовками — тоже.

Вместо этого начала ловить взгляды.

Кажется, улыбаться и подмигивать в ответ.

В какой-то момент едва не потеряла очки, дужки оправы которых чуть не слетели с моих ушей.

Поймала их.

Наверное, ловко.

Было сложно отдавать себе отчёт в том, что на самом деле происходит вокруг меня. Стали по-настоящему важны только лёгкость, в которой хотелось раствориться также сильно, как немногим ранее — в плече, какао и объятиях большой плюшевой акулы.

В какой-то момент обходить в танце хаос стаканов и личных вещей на дубовой столешнице стало чем-то таким же простым и естественным, как дыхание.

Если до этого я едва не пнула пиво на какого-то бедолагу, то сейчас даже почти не смотрела под ноги.

Тело двигалось само.

Двигалось как надо.

Две песни спустя поняла, что на мне уже нет футболки, и я не помню, как так случилось. А текила, пить которую становилось уже тяжело, стекала по шее и ключицам куда-то по коже, не пропитывая собой ткань.

Дышать стало ещё легче.

Думать, впрочем — сложнее. Я даже бросила попытки.

Оно и к лучшему.

Гораздо легче стало, ловко маневрируя под прицелом преисполненных одобрения, опьянения и похоти взглядов отку-

да-то снизу, между стаканами, бокалами, рюмками и руками, наклониться к одному из гостей «Счастливой Семёрки». Отодвинув чуть-чуть в сторону от его лица руку с бокалом словно светившейся голубым неоном жидкости, поцеловать его.

Едва не свалившись при этом ему на колени со столешницы.

Водка с клюквой, текила, коктейль моего соучастника, помада и, кажется, слёзы, делали поцелуй на вкус очень ироничным.

Появились секунды на то, чтобы подумать, чего я сейчас хочу.

Может быть, стоило вернуть себе контроль.

Хотя бы чуть-чуть.

Стоило перестать мешать бухать несчастному, который стал, сам того навряд ли желая, одним из центральных действующих лиц моей личной драмы.

Когда мне наконец надоело его целовать, я простояла ещё какое-то время над душой этого лица, вжимая пальцы в край столешницы где-то между протиравшими её от наверняка не раз разлитой тут за сегодня выпивки коленками.

Долго стоять так было не слишком приятно.

Калейдоскоп событий сменял одно на другое настолько быстро, что все они, как будто бы, сливались в одно. Когда нашла футболку, сумочку и обувь, жертва поцелуя уже угощала меня новым коктейлем.

Не стала спрашивать его имя.

Не дай Бог, он окажется тоже Толиком.

Он тоже не стал спрашивать моё. Что даже стало чуть-чуть обидно в какой-то момент, но обида очень быстро была утоплена в новой порции выпивки, которой теперь меня угощал мой новый безымянный друг.

Наверное, нам не стоило знать имена друг друга.

Он что-то говорил мне. Не слишком много и информативно, как мне казалось в моменте. Также не слишком много и информативно отвечала ему я, пока мысли прыгали от очередного удивления тому, как много моё тело может содержать в себе слёз к тому, что кожа где-то под футболкой стала омерзительно липкой.

Где текила и пот смыли с меня жалкие остатки персиковых духов, с которыми ещё не успели справиться сигареты и холодный ветер сентябрьской ночи.

А мне, в свою очередь, не стоило больше беспокоиться о том, что вообще-то мой телефон разряжен, и я не смогу вызвать себе такси домой. Ведь очень скоро мой собеседник предложил мне поехать куда-нибудь, где не так громко илюдно.

Не стала думать дважды.

Когда мы ждали такси на улице, мой собеседник продолжал что-то говорить.

Меня это не устраивало.

Не способная, да и не желающая поддерживать наш диа-

лог, едва ли не падая на дрожащих, подкашивающихся ногах в его объятия, заставила его молчать единственным казавшимся в моменте приемлемым способом сделать это.

Таксист всю дорогу проявлял чудеса выдержки, сохраняя внимание на дороге, пока на заднем сидении его машины мы с новым знакомым продолжили закреплять делом случившееся со мной несколько часов назад расставание.

О чём, наверное, я буду жалеть.

Когда-нибудь потом.

Когда поцелуи на заднем сидении такси с человеком, имени которого не знаю, перестанут быть такой необходимой терапией.

3.

Просыпаться не хотелось.

Наверное, я засыпала раза два, или три. Прежде, чем глаза всё-таки открылись, и через туман похмелья и близорукости до агонизирующих синапсов дошло, что нахожусь не в своей комнате.

Не в своей квартире.

Осознание заставило резко подскочить.

По крайней мере, попытаться это сделать.

Голова ответила на попытку выполнить хоть какое-то движение тела выстрелом боли в висок; но куда более чувствительным ударом стало осознание собственной наготы.

Как могла, завернула себя в одеяло, скомканное где-то в ногах. И сделала это очень вовремя: как только хоть как-то прикрылась, уловила боковым взглядом движение в комнате.

Движение было мутным пятном, одетым в джинсы и перекошено застёгнутую рубашку. Движение курило, наполняя и без того прокуренную комнату едким запахом дерьмового табака.

Движение протянуло мне открытую стеклянную бурую бутылку.

Схватила за неё свободной от одеяла рукой и сделала несколько глотков, столь небрежных, что какая-то часть, как

выяснилось, пива, пролилась через края губ на бело-голубой пододеяльник.

Чем сильнее прояснялось сознание, тем сильнее хотелось поскорее одеться.

Покончив с пивом, заплетающимися ногами встала с кровати и принялась судорожно искать свои вещи, всё также не выпуская из крепко сжатых пальцев одеяло.

Несколько раз чуть не упала, то спотыкаясь о собственные ноги, то поскользываясь на использованных презервативах, но смогла найти, как мне казалось, всё.

Кем бы ни был мужчина, который зашёл в комнату и вручил бутылку, он учтиво покинул помещение, предварительно собрав с пола резинки, когда увидел, что у меня не слишком ловко получается совмещать удержание одеяла и надевание трусов.

Как его зовут?

Не могла вспомнить.

Напротив, тело помнило о минувшей ночи очень много.

Очень много такого, что хотелось бы как можно скорее забыть.

Одевшись, нашла сумочку и принялась искать в ней коробку с линзами. Поиски отняли ровно столько времени, сколько понадобилось, чтобы вспомнить: вообще-то, я вчера их выбросила.

Очки.

Нужно найти очки.

Довольно сложная задача и без поправки на чужую квартиру. И того, что я не помнила, где и при каких обстоятельствах сняла их.

Лучше бы помнила это, чем некоторые другие события.

Три раза чуть не упав и чуть больше раз — проклиная всё на свете в целом и себя за вчерашнее поведение в частности, в итоге нашла их под кроватью, едва заметно торчащими краем оправы из-под простыни.

Чуть не наступила на них.

Кажется, хозяин квартиры предложил мне кофе, крикнув через стенку.

Не смогла никак ответить.

Достала из сумочки телефон.

Конечно же, зарядить его я минувшей ночью так и не удалось.

Наверное, было бы разумно согласиться на предложение выпить кофе и, воспользовавшись этим временем, всё-таки оживить устройство; но разумно действовать не получалось.

Лучше как можно скорее отсюда свалить.

Когда хозяин квартиры, имя которого по-прежнему не могла вспомнить, пришёл в комнату, смогла из себя выдавить только:

— Вызови мне такси... Пожалуйста.

Тихим, дрожащим голосом.

Кажется, вчера вела себя несколько более уверенно.

Сейчас же, непроходящие чувство стыда и желание про-

валиться сквозь землю как можно быстрее и глубже, сняли с меня остатки уверенности также ловко, как я — футболку вчера на столешнице барной стойки.

Твою мать.

Я танцевала на столешнице барной стойки без футболки.

Эта мысль сжала мою голову в тиски, вызывая новые вспышки боли.

К счастью, мужчина не стал спорить. Только уточнил адрес, куда мне надо попасть, и приступил к выполнению моей робкой просьбы.

Я же поспешила покинуть комнату.

Надела куртку Толика.

Зачем-то проверила, на месте ли нож.

Нашла обувь.

Старые, разношенные кроссовки по-плюшевому уютно обволокли собой ступни. Как только это произошло, я вылетела из квартиры незнакомца, как пробка из бутылки и, понятия не имея даже, на каком этаже нахожусь, пошла, насколько это сейчас получалось, быстрым шагом к лестнице.

Так и не получилось посчитать пролёты.

Голова была очень сильно занята другим.

Машина, номер и цвет которой мне сообщил перед выходом хозяин квартиры, в которой проснулась, уже ждала возле подъезда. Быстро. Села на заднее сидение седана и, кажется, только сейчас смогла наконец выдохнуть.

Дорога к университету — а именно его адрес я назвала —

пролетела незаметно.

Вышла из машины слегка заранее. Не хотелось помятой выходить из такси прямо возле главного входа, к тому же, ещё и с опозданием — часы на приборной панели такси подсказали, что первые полторы пары были мной благополучно пропущены.

Стоило подготовиться к появлению перед фасадом здания университета. Вероятно, очень сильно исправить для этого собственный фасад.

Преодолеть для начала страх смотреть на своё отражение. Была уверена в том, что ничего хорошего сейчас я там не увижу.

Как только моё отражение продемонстрировало себя во всей красе на поверхности складного карманного зеркальца в зелёной пластиковой рамке — поняла, что была права.

Выглядела примерно также отвратительно, как чувствовала себя.

Ведь с тем, как прояснялось похмельное сознание, начала всё отчётливее понимать, что произошло несколько часов назад.

Чувствовала и осознавала себя так, словно проснулась на помойке, а не в сравнительно опрятной, хотя и изрядно прокуренной, квартире, в одной комнате с относительно симпатичным мужчиной.

Впрочем, наверное, там мне сейчас и было место. На чёртовой помойке.

Туда меня отправил Толик.

В чужую постель.

На помойку.

Сделав второго за всю мою жизнь мужчину мутным безымянным пьяницей из сомнительного клуба.

По крайней мере, достаточно вежливым, чтобы утром просто оплатить мне такси и не приставать с разговорами или попытками затащить в койку ещё раз. Не уверена, что было бы хуже.

Впрочем, сколько бы я ни сваливала в мыслях ответственность за своё поведение вчера на бывшего парня, легче от этого не становилось.

Не получалось оправдать себя.

Получалось прийти к другим выводам.

Кажется, вчера под действием спиртного было очень просто мнить себя хищницей, что охотится в ночи на ничего не подозревающую жертву, каковой стал мой безымянный номер два.

Сегодня от моей хищной натуры остались только тошнотворный букет самых разных вкусов во рту.

Футболка под курткой от этой мысли начала стягиваться на мне. Одновременно сжимать, не позволяя сделать вдох; и, как будто бы, исчезая. Заставляя чувствовать себя голой.

Очень сильно хотелось курить.

Принять душ.

Забраться глубже в гнездо из пледов и не покидать его лет

сорок.

Прыгнуть под поезд.

Провериться на венерические.

Сама не поняла, как оказалась согнувшейся, облокотившейся на стену здания и уставившейся через скатывающиеся по переносице очки на лужу своего богатого внутреннего мира между кроссовками.

Сдержать следующий порыв рвоты так и не смогла.

Ёбанный свет...

Захотелось поскорее отсюда уйти.

В универ.

Уже там привести себя в порядок, насколько это возможно, и пойти на третью пару. Желательно, найти там себе место в дальнем углу, подальше от других студентов.

Не успев даже толком подумать об этом, вынула нож из кармана куртки и переложила в задний карман джинсов. Сняла тёмно-синее напоминание о закончившихся отношениях, слегка приправленное содержимым некогда моего желудка, скомкала и выбросила в ближайшую урну.

Кажется, раздеваться тогда, когда делать этого не стоит, начинает входить в привычку.

Как и поправлять макияж в общественных туалетах.

Университетский, впрочем, был светлее и чище клубного. Не сильно, но, по крайней мере, стены не были изрисованы маркерами и измазаны одному Богу известно, чем.

Добавляло света и огромное окно с подоконником, не ме-

нее массивным, чем барная стойка, на столешнице которой мне довелось вчера отжигать.

От этого воспоминания передёрнуло.

Продолжая рассматривать своё, всё ещё стрёмно выглядящее, но уже как-то чуть получше после короткого сеанса рисования карандашами и кисточками, снова начала думать.

Не те мысли, которые хотелось бы.

Перестать думать.

Но не так, как вчера.

Какое же это дно...

Чем больше, чётче, громче и яснее работали извилины в голове, тем больше это всё походило на то, что они стремятся сожрать друг друга с говном. Примерно также, как я себя сейчас. Тем больше это всё походило на кошмар, ставший явью. Кошмар, из которого нет выхода, а всё, что выходом казалось — лишь заход на новый виток спирали.

Становилось страшно даже пытаться представить, что в её центре.

Страшно до оцепенения. До тошноты. До дрожи в руках и коленках.

Перестать думать.

На это отлично сработал громкий звук университетского звонка, ознаменовавший собой окончание второй пары.

Пора покинуть туалет.

Влетела лицом, которое только-только едва получилось хоть как-то починить, в что-то с текстурой бежевого клетча-

того пиджака. Вскрикнула, скорее от удивления, чем от боли, и совершенно точно чуть в очередной раз за утро не уронила очки.

Закономерное последствие того, что, вылетев из туалета, я шла, не глядя перед собой.

Подняв голову и собравшись уже неловко извиняться перед препятствием, с которым столь неожиданно вступила в контакт, увидела, что этим препятствием оказался Кирилл.

— Мамочки...

— Эй, и тебе доброе утро, — констатировал он.

— Что? А...

— Почему на первые пары не пришла?

— Проспала.

— Исчерпывающе, — кажется, он усмехнулся. Очень захотелось сейчас эту усмешку запихнуть ему поглубже в глотку, — Всё нормально? Видок у тебя... Болезненный.

Вопрос поставил меня в ступор.

Одновременно хотелось сказать однокурснику, что не нормально нихрена. Может быть, даже вынудить его принять участие в долгой эмоциональной, драматичной и очень слезливой исповеди, преисполненной ненависти к Толику, к себе, да и ко всему миру в целом; и послать его с такими заходами дальше учиться разговаривать с девушками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.